

© 1993 г. МИХАЙЛОВА Т.А.

## О ПОНЯТИИ "ПРАВЫЙ" И ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Оппозиция "правый" — "левый", бесспорно, может быть названа в числе наиболее распространенных языковых, мифологических, фольклорных и ментальных универсалий. Ее появление коренится в таком, казалось бы, бесспорном явлении, как асимметрия полушарий головного мозга человека с преобладанием доминанции левого полушария и, соответственно, правой руки.

Элементы асимметрии полушарий наблюдаются и у животных, как высших, так и низших, однако доминанция того или иного полушария наблюдается лишь у отдельных особей и говорить о "правосторонности" или "левосторонности" целого вида не представляется возможным. "Существуют факты, подтверждающие наличие асимметрии у мышей, кошек и обезьян, хотя прямую параллель с асимметрией мозга у человека здесь провести трудно. Более того, как кажется, человек является единственным, кто обладает такой организацией мозга, которая демонстрирует устойчивую асимметрию у большинства индивидов" [1, с. 95]. Видимо, эта устойчивая асимметрия у человека связана с непарностью или не полной парностью его передних конечностей. Лишь у человека в его разнообразной деятельности мы почти не встречаем симметричных действий обеих рук, которая сохраняется лишь в опорно-двигательной функции (ходьба, плавание и пр.). В большинстве же случаев человек пользуется своими передними конечностями непарно, т.е. одна из рук является главным оператором действия, а другая исполняет подсобные функции. Особенно ясно это видно при пользовании разного рода орудиями, которые, как правило, изготавливаются в расчете на праворукого индивида. Эта традиция уходит своими корнями в каменный век, когда начали изготавливаться первые ножи, топоры, скребки, предназначенные для обработки древесины, кости и кожи. Как показывают археологические данные, они были рассчитаны на оптимальное движение правой рукой. «О том, что у человека мустьерской эпохи в работе преобладала правая рука, свидетельствуют прежде всего следы работы на костяных ретушерах... Еще более ясно выражена праворукость, которая вскрывается при анализе следов на строгальном ноже со Сталинградской стоянки. Следы изнашивания расположены на брюшке ножа-отщепы. Это свидетельствует о том, что неандерталец работал им, положив брюшко на материал. В таком положении ретушированный обухок ножа был сверху и служил для упора указательного пальца правой руки. Движение при строгании производилось "на себя" [2, с. 18].

Факт изначальной праворукости людей может быть подтвержден и данными наскальных изображений. Так, в традиционных изображениях кисти руки преобладают отпечатки левой кисти, что часто объяснялось ее особыми ритуальными функциями (см., например [3, с. 113]). Однако этот феномен может иметь и иное, более практическое объяснение: изображение руки на шероховатой стене пещеры требовало особой техники и мастерства, особенно — при изготовлении "негативных" изображений: «в этом случае фигура "руки" передавалась самим фоном скалы — прижатая к ней ладонь с расставленными пальцами обрамлялась как нимбом пятном краски. Общей же чертой как позитивной, так и негативной техники было то, что она основывалась на применении "трафарета", которым в каждом отдельном случае служила

реальная рука индивидуума» [4, с. 10]. При этом кажется естественным, что функции трафарета должна была исполнять рука левая как более пассивная.

Однако факт изначальной праворукости людей неоднократно ставился под сомнение. Например: "Как кажется, во многих случаях билатеральность для первобытного человека должна была быть более предпочтительна. Равновесие обеих рук при лазании по деревьям должно было быть более ценным, чем постоянная неловкость одной из них. К тому же было гораздо удобнее держать в каждой руке по камню, чем лишь один в одной руке, пусть более тяжелый. То, что мы не можем одновременно делать два разных дела, является не столько следствием нашей односторонности, сколько результатом потери двусторонности: как бы быстро ни сменялись ментальные процессы, в каждый момент они единичны" [5, с. 169]. Неправомерность предпочтения одной руки другой, уже применительно к современному человеку, отмечалась и Платоном, который в седьмой книге своих "Законов" писал: "Считают, будто правая и левая рука у нас от природы употребляются для различных действий. Между тем ясно, что ноги и вообще нижние конечности вовсе не различаются в смысле работы. Что же касается рук, то здесь каждый из нас может стать калекой по неразумию кормилиц и матерей. В самом деле: природа почти уравновесила те и другие конечности, и уже мы сами, путем привычки, сделали их различными, пользуясь ими ненадлежащим образом" [6, с. 272]. Нельзя забывать и об определенных трудностях в определении правой и левой рук в отдельных возрастных и социальных группах и в нашем обществе (подробнее об этом — ниже).

Безусловно, на основании имеющихся данных говорить о "природном равновесии" мы не можем, но значит ли это, что во всех случаях праворукости мы имеем дело только с физиологическим феноменом, никак не зависящим от традиции, этикета мифологических представлений и пр.? Напомним, что нейрофизиологические исследования начали проводиться только в прошлом веке, т.е. — на осях с веками сложившейся традицией пользования преимущественно правой рукой и с развитой речью (левое полушарие — речевое). Праворукость (или — асимметрия полушарий), отличающая человека от животного, видимо, появилась не сразу и была вызвана некой хозяйственной необходимостью на определенной стадии антропогенеза. Позволим себе привести в этой связи цитату из статьи В.П. Алексеева:

"С точки зрения нашей темы особый интерес привлекает право-левосторонняя симметрия живых тел, их распад на правую и левую половины, их конкретное существование в виде право-левостороннесимметричных объектов. Первобытный человек сталкивался с этим видом симметрии во всех важнейших проявлениях своей жизни — на охоте, так как среди охотничьей добычи основное место занимали позвоночные, отличавшиеся право-левосторонней симметрией, при разделке охотничьей добычи — туш убитых животных, наблюдая аналогичную симметрию у других особей своего вида, наконец, осознавая ее как свойство собственного организма. Эта право-левосторонняя симметрия в морфологической организации древнейших предков человека и современного человека является результатом длительного, определенным образом запрограммированного эволюционного пути развития, но для ископаемых предков человека мы имеем доказательство того, что на эту симметричную относительно продольной, или, как говорят анатомы, саггитальной, плоскости тела организацию наложилась функциональная асимметрия, преимущественное использование в рабочих операциях правой руки и вообще противопоставление в трудовых процессах правой и левой половины тела. Возможно, появление такой асимметрии связано с парной функцией мозговых полушарий и является следствием каких-то пока не вскрытых тенденций в эволюции мозга. Кстати сказать, эта парная функция особенно важна в обеспечении пространственной ориентировки, а последнее обстоятельство приобрело особое значение в антропогенезе при

усложнении способов охоты, освоении пещер под жилище, эксплуатации достаточно обширных охотничьих территорий и необходимости долго преследовать добычу, возвращаться домой по малознакомой местности и т.д. ... Весьма возможно, что усиление одной асимметрии у предков человека было также результатом каких-то трудовых операций и побочным следствием каких-то пока не ясных преимуществ, которые имела функциональная асимметрия в процессе труда" [7, с. 43—44].

Не явилась ли праворукость человечества, хотя бы до некоторой степени, результатом навязывания определенных норм поведения одной группой населения — другой группе, возможно, именно в результате начала изготовления и использования уже упоминавшихся нами каменных орудий? Орудия эти, как известно, требовали большого труда и искусства как от их изготовителя, так и от того, кто ими пользовался. Естественно при этом, что изготовление билатеральных орудий значительно усложнило бы и как сложный процесс обработки камня или кости. Это могло привести к идее доминанции правой руки как нормы, что закрепилось затем в сознании и в самом языке.

Факт доминанции правой руки в разных регионах может, как кажется, противоречить нашему предположению. Однако оно может быть рассмотрено на фоне иных лингво-ментальных универсалий, что делает его более вероятным. Одной из таких универсалий могут быть весьма ограниченные в своем числе языковые модели для обозначения правой руки.

Для обозначения правой руки практически у всех народов используется, как правило, мотивированная основа, в той или иной степени характеризующая называемый объект. Нами было выделено три модели обозначения правой руки:

- 1) по основному, совершаемому ею действию;
- 2) "правый" → "лучший", "более удобный" и пр.;
- 3) "правый" → "прямой".

В ряде языков — африканских, германских (древнеанглийский) — встречается также название правой руки "мужской рукой" (при левой руке, соответственно, "женской"), что согласуется с универсальной системой координации основных бинарных оппозиций.

Первая модель, названная нами предикативной, встречается довольно часто, но, как правило, «слова, сохраняющие подобную "случайную" внутреннюю форму, редко выходят за пределы профессиональных или территориальных диалектов, да и то только в языках малочисленных народов, у которых не наблюдается развитого разделения труда» [8, с. 56]. В качестве примера обозначения правой руки по предикативной модели можно назвать: в готландском диалекте шведского языка *suphand* "правая рука" (т.е. рука, которой едят суп), в юкагирском — *taħaŋānu* (при *taħa* "спина", связано с определенным способом езды на оленях), в языке индейцев атакана — *wóč té* (*wóč* "рука", *té* "лук", т.е. рука, которой стреляют из лука). У Гомера правая рука обозначается в отдельных случаях как "мечущая копье". Ср. также распространенную для африканских языков модель "есть, питаться" → "правый" (т.е. — правая рука — это та рука, которой едят).

Данная предикативная модель является наиболее мотивированной и вследствие этого — наиболее продуктивной. Так, при обучении современного ребенка пространственной ориентации, которая, повторяя путь языковой эволюции, начинается обычно с определения правой (и левой) руки, в случае затруднений приходится прибегать к своего рода подсказке — "Какой рукой ты пишешь (ешь и проч.)?". Можно представить себе, что при условии отсутствия давления языковой нормы именно эта номинация, "писать-рука", могла бы закрепиться. Сходное явление у самого себя уже во взрослом возрасте отмечал и З. Фрейд, отличавшийся затрудненной право-левосторонней ориентацией. "Я всегда поражался, — пишет он, — как другие люди могут определить, где

находится правая или левая сторона у них самих или их собеседников. Что касается меня, то с самого детства мне приходилось раздумывать над этим, и естественные ощущения не могли мне в этом помочь. Чтобы удостовериться, действительно ли это моя правая рука, я быстро делал несколько писчих движений" [9, с. 243].

Таким образом, представляется несомненной продуктивность именно предикативной модели, естественно, при свободной вариативности исходного глагола, зависящего от специфики деятельности максимального большинства индивидов данного коллектива.

Вторая модель, в которой правая рука обозначается при помощи сравнительной степени прилагательного, была названа нами оценочной и, как кажется, знаменует собой следующий этап лингво-ментальной эволюции.

Подобная модель встречается практически во всех финно-угорских языках (кроме финского). Ср. эст. *parem* "правый" — сравн. степ. от *hää* "хороший", венг. *jobb* — сравн. степ. от *jó* "хороший", лив. *juva* "хороший, добрый, крепкий; правый", в языке ханты *jemsai* "правый", восходит к *jet* "хороший", в языке манси *emaspa* "правосторонний" соотносится с *emas* "хороший". Как можно предположить, именно контакты с финскими языками привели к появлению значения "правый" и у латышской лексики *labs* "хороший" с одновременной заменой рефлексов и.-е. корня \**deks-*. Ср. литов. *labas* "хороший" и *dešinās* "правый".

Подобная же замена и.-е. корня произошла и в древнеисландском, что дало рефлексы во всех современных скандинавских языках: ср. дат. *højre*, швед. *höger* и др., восходящие к др.-исл. *hoegri* (сравнительная степень от *hoegr* "ловкий, умелый").

Мотивы вытеснения и.-е. \**deks-* в скандинавских языках вряд ли могут быть объяснены лишь контактами с другими языками и, возможно, коренятся в общей нестойкости данного, уже немотивированного корня для языков "горячей культуры". Как мы увидим в дальнейшем, его утрата другими и.-е. языками, за рядом исключений, также окажется неизбежной. Как представляется в данном случае, утрата и.-е. корня произошла уже после выделения скандинавского ареала из общегерманского; ср. гот. *taihswa* и др.-в.-нем. *zeso*.

Другим подвидом этой же оценочной модели для германских языков является группа слов со значением "правый" (и "южный"), восходящая к общегерманскому \**sunþ* / которое соотносится с др.-англ. *ge-sund*, др.-в.-нем. *gisunt* "здоровый, крепкий, сильный" и возводится к и.-е. \**syent* "сильный, крепкий". Ср. др.-англ. *swiðra*, др.-сакс. *suithora* и др. Ср. также др.-в.-нем. *diu bezzerhant* ("лучшая рука"), сосуществующее с *zeso*. В одной из недавних работ, посвященных анализу этой группы германских корней, делается интересный вывод о том, что и.-е. и германские формы на определенном этапе своего развития оказывались близкими в своем функционировании. «В результате упрощается объяснение многих процессов, имевших место в период общегерманского единства. Например, древнегерманская дихотомия "общеевропейские рефлексy" / "формы с суффиксом сравнительной степени" изначально не существовала. Лексемы, образованные от форм сравнительной степени, интерпретируются как эвфемизмы, которые заменили реконструируемую протогерманскую форму \**ieso* уже в период самостоятельного существования германских языков. Табуирование протогерманской формы "правый" вполне могло быть вызвано характерным для германской культуры представлением об этой руке (стороне) как "агрессивной" и "угрожающей"» [10, с. 43].

На наш взгляд, объяснение утраты той или иной лексемы и замены ее эвфемизмом — табуированием (очень, кстати, распространенное) в данном случае кажется нам не совсем правомерным. Именно так принято объяснять и утрату во многих языках лексемы со значением "левый", получившей множество отрицательных коннотаций. Принимая гипотезу о табуированности

# СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ РЕФЛЕКСОВ И.-Е. \*DEKS- В СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКАХ

| Языки                           | "Правый" | "Южный" | "Ловкий; приятный" |
|---------------------------------|----------|---------|--------------------|
| Хинди ( <i>dāhina</i> )         |          |         |                    |
| Непали [ <i>da(h)inu</i> ]      |          |         |                    |
| Шина ( <i>dasinu</i> )          | +        | +       | +                  |
| Н.-греч. ( <i>deksios</i> )     | +        | —       | +                  |
| Албан. ( <i>djathë</i> )        | +        | —       | +                  |
| Серб. ( <i>desan</i> )          |          |         |                    |
| Болг. ( <i>decenъ</i> )         |          |         |                    |
| Словен. ( <i>desen</i> )        | +        | —       | —                  |
| Итал. ( <i>destro</i> )         |          |         |                    |
| Прованс. ( <i>destre</i> )      |          |         |                    |
| Исп. книжн. ( <i>diestro</i> )  |          |         |                    |
| Катал. книжн. ( <i>destre</i> ) |          |         |                    |
| Порт. книжн. ( <i>destro</i> )  | +        | —       | +                  |
| Исп. ( <i>diestro</i> )         | —        | —       | +                  |
| Литов. ( <i>desinas</i> )       | +        | —       | —                  |
| Вал. ( <i>deau</i> )            |          |         |                    |
| Брет. ( <i>dehou</i> )          | +        | +       | —                  |
| Ирл. ( <i>deas</i> )            | +        | +       | +                  |

и.-е. лексемы со значением "правый" в ряде германских языков и замены ее словами со значением "хороший, ловкий, удобный, сильный", мы, видимо, должны будем аналогично интерпретировать и последующее вытеснение этих новых значений лексемами с общим значением "прямой, правильный", что принять уже довольно трудно. Кроме того, как известно, в народном сознании именно правая сторона, в противоположность левой, воспринималась как благоприятная.

Видимо, интерпретацию утраты и.-е. корня и замены его лексемами с разными исходными значениями на разных этапах лингво-ментальной эволюции надо искать в каких-то глубинных процессах, происходящих в коллективном сознании. Чтобы прийти к определенным выводам, обратимся сначала к сумме значений самого и.-е. корня.

Основа \**deks-* [*\*t'ek(h)s-*], однозначно реконструируемая для обозначения правой руки, в настоящее время оказывается довольно ограниченной в своей ареальной дистрибуции. В современных и.-е. языках ее рефлекс встречается: 1) в Индии, 2) в Литве, 3) в Средиземноморье и 4) в зоне распространения кельтских языков (см. схему). В других регионах продолжения старой лексемы были вытеснены словами с общим значением "прямой, правильный", что при всей универсальности этого факта (германские, романские, славянские, иранские языки и диалекты цыган) остается явлением еще в достаточной степени не интерпретированным.

Необходимо отметить, что наряду со значением "правая рука" и.-е. \**deks-* имеет (получает? сохраняет?) в отдельных регионах также значения "ловкий, умелый; благоприятный" и "южный". Все три значения представлены у данной лексемы лишь в Индии и в Ирландии, в южнославянских языках и в литовском отсутствует значение "ловкий, умелый", которое, напротив, оказывается единственным, сохранившимся в испанском, тогда как значение "правый" у исп. *diestro* встречается лишь в книжной речи (ср. также катал. *destre*, франц. *destre* и др.-русс. *десница*, понятные многим носителям языка, но ограниченные в употреблении). Англ. *dexterous* в этой связи нельзя рассматривать как сохранение одного из значений и.-е. корня, как это имеет место в испанском, так как эта лексема впервые была зафиксирована в английском лишь в XVI в. и, судя по контексту, относится к многочисленным французским заимствова-

ниям: *A prince ... of invincible fortitude, of notable activitee, of dexteritee wonderfull* (1548 г.; см. [11, с. 300] — "Принц, ... отличающийся необычайной силой, замечательной живостью, чудесной ловкостью").

По какому же пути шла в данном случае семантическая эволюция? В том, что касается значений "правый" и "южный", то второе, безусловно, выводится из первого. Главным ориентиром при пространственной ориентации первобытных людей было движущееся над ними солнце. Поэтому исходным положением при начале ориентации должно было быть положение — лицом к восходящему солнцу, т.е. к востоку. Положение это было затем ритуализовано, что отразилось в представлении о том, что восточное направление — благоприятно, а западное — неблагоприятно [12, с. 109].

Естественно, что при ориентировке лицом на восток справа оказывался юг, а север — слева, что нашло свое отражение и в языковых фактах (ср. др.-свр. *jamin*, а также якут. *уна* "правый, южный" и др.). В ирландском, сохранившем в своем маргинальном положении многие архаические черты, в названиях сторон света представлена в максимальной степени картина исходной пространственной ориентации: ср. *dess* "правый; на юге", *túaid* "левый; на севере", *t-air* "вперед; на востоке", *t-far* "позади; на западе".

В том, что касается другого значения и.-е. корня, "ловкий, удачный, благоприятный", то правомерность выведения его из значения "правый" требует доказательств. Так, сопоставление с уже упоминаемой нами оценочной моделью заставляет, как может показаться, предположить, что исходным значением \**deks-* могло быть "ловкий, умелый" или "сильный, крепкий". Этой точки зрения придерживается и А.Я. Шайкевич, коррелирующий продолжения и.-е. \**deks-* с скр. *dakšati* "удовлетворяет, подходит" и лат. *decus* "подобающий". «В индоевропейских языках, — пишет он, — засвидетельствовано развитие значения "правый" из значения "удобный, подходящий"» [8, с. 58]. Однако этой точке зрения противоречит обращение к фактам кельтских языков: так, в ирландском значения "благоприятный, милый" у лексемы *dess* (совр. *deas*) фиксируется довольно поздно по сравнению с другими ее значениями (ср. в Словаре ирландского языка: в статье к слову *dess*: «(d) by extention (!) *convenient, becoming, agreeable, well arranged, neat; later pretty, fine*» [13, стлб. 47]). В валлийском оно вообще отсутствует при сохранении значений "правый" и "южный".

Но принимая данную точку зрения, т.е. считая значение "благоприятный" вторичным, а "правая рука" — исходным, мы неизбежно должны будем квалифицировать "правый" как "простое", что, безусловно, противоречит фактам этнокультурной эволюции. Ср. в этой связи замечание Ф. Джонсона-Лэрда: «Значение базовых пространственных терминов типа "правый" и "левый" не может быть описано в виде стандартной словарной статьи, в которой оно было бы разложено на элементы, поскольку определить эти слова в более элементарных терминах невозможно. Однако тот факт, что они неопределяемы, не означает, что они элементарны» [14, с. 254].

Но отрицая выводимость и.-е. корня со значением "правый" из лексем со значением "ловкий, благоприятный" и признавая при этом его семантическую вторичность, мы неизбежно должны будем вернуться к уже описанной нами архаической "предикативной" модели. Искомым глаголом в данном случае, на наш взгляд, может быть назван и.-е. глагол широкого спектра \**i(h)ek(h)s-* "изготавливать, плести, мастерить, обрабатывать", откуда — хет. *takš-* "делать, соединять", греч. *τέχνη* "ремесло, искусство", лат. *texō* "плету, строю" и др. (ср. модель "работать" — "правый"). Близкая гипотеза была выдвинута В. Леманом, возводящим гот. *tachshwa* "правый" к и.-е. \**dek-* "брать, хватать" [15, с. 338].

В уже цитированной нами статье А.Я. Шайкевича дается убедительный анализ стадий ("ступеней") развития значений "правый" и "левый" из исходных лексем. Первая ступень развития обычно заключается в использовании опре-

деленного эпитета к слову "рука" для обозначения именно правой руки. При постоянном его использовании ослабевает его исходное значение. На второй ступени элемент словосочетания или сложного слова со значением "рука" может отпасть, что приводит к появлению особого слова типа др.-русск. "десница". На третьей ступени словосочетание со значением "правая рука" начинает использоваться для обозначения направления. На четвертой ступени лексема распространяется на все части тела и образуются предлоги (см. [8, с. 65]).

Данный семантический процесс, коренящийся во вроде бы объективных нейрофизиологических различиях правой и левой рук человека и, вследствие этого, как кажется, универсальный для всех народов как в территориальном, так и в социальном плане, неожиданно оказывается в известном противоречии с довольно широко распространенной неспособностью (или — затрудненностью) различать правую и левую стороны. Якобы чисто физиологическая оппозиция правый—левый, в отличие от оппозиций верх—низ, перед—зад и др., оказывается в недостаточной степени обусловленной реальностью и как бы навязанной. Известно, например, что понятия "правый" и "левый" усваиваются детьми достаточно поздно, и то в результате специальной тренировки. Ср. у Пушкина в "Капитанской дочке": "Комендант по собственной охоте учил иногда своих солдат, но еще не мог добиться, чтобы все они знали, которая сторона правая, которая левая". Ср. также аналогичный эпизод "сено — солома" из биографии Суворова. Ср. также англ. — *hay-fool, straw-fool* "правой, левой" (букв. "сено-нога, солома-нога"). Затрудненность быстрого определения правой и левой сторон оказалась столь распространенной, что получила специальное название "право-левой слепоты" (*Rechtslinksblindheit*) [16]. Автор этого термина, К. Эльзе, отмечал, что данная "слепота" встречается не только среди детей и необразованных классов, но и среди индивидов достаточно высокого интеллектуального уровня (Гельмгольц, Шиллер, Фрейд).

Сказанное вновь возвращает нас к предположению, что изначально право-левая асимметрия человеческого организма не была (и не есть) столь выражена, как это принято считать. Как писал еще в начале века французский философ Р. Эриц, «несмотря на то, казалось бы, разные функции двух рук, ловкость одной и вялость другой являются в большей степени результатом человеческой воли, мечта человечества об обладании двумя "правыми руками" не столь уж химерична» [17, с. 22]. Ярким примером, как нам представляется, условности противопоставления правой и левой рук в пользовании механизмом может служить управление автомобилем: система, ориентированная, как можно предположить, на праворукого водителя, на Британских островах оказывается как бы вывернутой наизнанку, что, естественно, нельзя объяснить какими-то особыми нейрофизиологическими особенностями населения. Другим интересным примером может послужить левосторонняя ориентация у некоторых племен индейцев пуэбло, которая, как предполагается, сложилась у них довольно поздно как знак протеста против праворуких белых завоевателей [18]. Ориентация на левую руку в ряде ритуалов встречается также и в Китае. Кроме того, там, как и у индейцев керес, женское начало (инь) ассоциируется с правой стороной, а мужское (ян) — с левой [19].

Являясь безусловной культурно-хозяйственной необходимостью, как при изготовлении орудий и пользовании ими, так и при ориентировке в пространстве, противопоставление правого левому как бы накладывается на существующую систему бинарных оппозиций извне, непрерывно подкрепляясь самим языком и системой традиционных мифологических представлений. Если со временем, в ходе развития общества с усложнявшейся дифференциацией труда модель "есть, питаться" — "правый" или "работать" — "правый" перестала быть мотивированной, ее заменила модель "правый" — "лучший", "более удобный", что одновременно получило поддержку в коллективном сознании, связывающем данную оппозицию с другими бинарными корреляциями и их лексико-семантическими и мифологическими сущностями.

Однако необходимо отметить, что в большинстве развитых культурных традиций правая рука (сторона) противопоставляется левой по принципу большей важности, значимости, старшинства и проч., но не по принципу "хорошо — плохо". Так, известно, например, что практически у всех народов наиболее почетное место за столом — справа от хозяина, но это не означает, что сидящий от него слева как-то подчеркнуто унижен. Известно также, что "правое и левое у многих народов имеет не только мифологическое и религиозное, но и социальное осмысление. Обычно правая сторона соотносится с высоким социальным и возрастным статусом, а левая — с низким. Так, у адыгов во время разговора двух мужчин, идущих рядом, младший занимает место слева от старшего. При увеличении числа собеседников хотя бы на одного картина в корне меняется. В этом случае самый младший занимает позицию справа на полшага позади самого старшего, чтобы слышать его указания, поручения. Все остальные спутники выстраиваются слева от старшего в порядке убывания возраста" [20, с. 30]. Положение слева, таким образом, показывает лишь несколько более низкую социальную и возрастную значимость, но не отмечено само по себе как неблагоприятное. Примеры подобного рода можно было бы продолжить.

В христианской иконописной традиции святой традиционно держит более значимый предмет в правой руке, а менее значимый — в левой (крест и книга, книга и свеча и проч.). Интересно, что более важной при этом по отношению к смотрящему считается левая сторона, так как изображение в этом случае оказывается как бы зеркальным с точки зрения внутренней зрительной позиции, в которой она оказывается правой [21]. Однако изображенное на правой (от зрителя) стороне иконы оказывается лишь менее значимым, но ни в коей мере не олицетворяет чего-то активно неблагоприятного.

Подобно этому и просьба матери сыновей Зеведеевых "чтобы сии два сына мои сели у Тебя один по правую сторону, а другой по левую в царстве Твоем" (Мт., 20—21) не означает благословения одного из сыновей и проклятия — другого, а лишь показывает стремление спасти обоих детей.

Интересно, что маркером большей значимости объекта часто выступает не столько правая сторона, сколько именно правая рука — основной агент клятв, благословений и проч. Примеров, иллюстрирующих это, можно привести много, ограничимся лишь одним, с нашей точки зрения, наиболее показательным: "Когда близился смерти святой Франциск, подобный тогда патриарху Иакову, и стояли кругом преданные сыны, горюя и плача об уходе от них столь любезного отца, он спросил: — Где мой первородный сын? Подойди ко мне, сын, чтобы благословила тебя душа моя прежде, чем я умру. — Тогда брат Бернард сказал тайком брату Илии, который был наместником Ордена: — Отец, подойди к святому с правой стороны, чтобы он тебя благословил. — И, когда брат Илия встал по правую руку его, святой Франциск, потерявший благодаря безмерно пролитым слезам, зрение, возложил правую руку на голову брата Илии и сказал: — Это голова не моего первородного сына, брата Бернарда. — Тогда брат Бернард подошел к нему с левой стороны, а святой Франциск перекинул руки наподобие креста и возложил правую руку на голову брата Бернарда, а левую на голову брата Илии" [22, с. 23]. Не признанный Франциском как преемник, брат Илия, на голову которого была возложена левая рука святого, оказывается при этом не отверженным или проклятым, он также благословлен, но как бы с меньшей степенью значимости.

Таким образом, в культурной традиции правая рука считается — лучшей, более важной, что, в частности, закрепляется в языке в уже описанной нами оценочной модели. Левая рука (сторона) при этом не обязательно ассоциируется с чем-то неблагоприятным и, таким образом, не составляет, собственно говоря, опоры для бинарной оппозиции. Иными словами, правое не обязательно противостоит левому, а как бы сосуществует с ним, лишь реализуя принцип наличия или отсутствия некоего признака.

Совершенно иную картину мы наблюдаем в фольклорно-мифологической традиции многих народов, включающих понятия "правый" и "левый" в развитую систему бинарных оппозиций и вследствие этого неизбежно коррелирующих их с уже существующими. Так, с одной стороны, правая сторона начинает ассоциироваться с мужским началом, а левая — с женским, что в отдельных случаях закрепляется и на языковом уровне.

Еще шире представлено у многих народов соотнесение понятий "правый" и "левый" с оппозицией "хороший—плохой", что вызывает целый ряд традиционных установок, приводящих в целом к стойкой ассоциации левой руки (и стороны) с чем-то неблагоприятным. «Такая ассоциация значений "правый", "правой стороны" с "благоприятным", "хорошим", "положительным", а "левый", "левой стороны" — с "неблагоприятным", "дурным", "отрицательным" может считаться некоторой семантической универсалией системы языка вообще» [23, с. 785].

Следует отметить, что взаимная связь парных противопоставлений представлена в данном случае последовательно эксплицитно, то есть, по определению Н.И. Толстого, "непосредственно отмечается самими носителями народной культурной традиции в определенных ситуациях и условиях". В этом случае "она осознается четко и явно прокламируется" [24, с. 170].

Примеров отрицательных коннотаций, которыми в фольклоре обладает левая рука (сторона), можно привести очень много. Более того, общая положительная оценка правой стороны и отрицательная -- левой часто получала религиозные мотивации, например: "Искуситель... неизбежно находится у человека с левого бока и шепчет ему в левое ухо о таких злых деяниях, какие самому человеку и в ум не пришли бы без коварных наветов черта" [20, с. 29], или: "Никогда не плюй на правый бок, на правую сторону (потому что ангел-хранитель при правом боке, а дьявол при левом; на него и плюй)" [20, с. 29]. Впрочем, мы должны признать, — что отрицательная оценка левой стороны, точнее -- положение слева как знак проклятия, встречается и в христианской традиции в пророчестве о Страшном Суде: "И соберутся перед Ним все народы; и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов; И поставит овец по правую сторону свою, а козлов по левую. Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте царство, уготованное вам от создания мира... Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его" (Мт., 25, 32—41). Разделение народов на благословенных и проклятых, казалось бы, лишь условно подчиняющееся в данном случае право-леворотной ориентации, на наш взгляд, неизбежно отражает универсальную для всех народов общую отрицательную оценку левой стороны.

Чем же вызвана столь стойкая полярность в оценке правой и левой сторон, бытующая в народном сознании?

В свое время существовала концепция, интерпретирующая отрицательную оценку левой руки и положительную — правой уже описанной нами восточной ориентацией, при которой левая рука была направлена на холодный, негостеприимный север, а правая — на теплый юг ([17], ср. [24]). Однако, как можно предположить, в странах, расположенных южнее экватора, система бинарных оппозиций должна была бы в таком случае выглядеть как своего рода зеркальное отражение общепринятой и с понятием "правый" ассоциировались бы понятия "плохое", "женское". Однако этого не происходит. Таким образом, вовлечение понятий "правый" и "левый" в сложившуюся систему бинарных оппозиций с устойчивой отрицательной оценкой левой стороны должно иметь какое-то иное, не "географическое" объяснение.

Как кажется, большой интерес с этой точки зрения могут представить исследования Р. Эрца о насильственной доминации правой руки в коллективном

сознании путем ее "сакрализации". "Исключительное развитие правой руки, — пишет он, — может рассматриваться как качество, присущее лишь человеку, как знак его моральной доминанции. И в некотором смысле это действительно так. Веками систематическая парализация левой руки укладывалась в общую систему доминанции сакрального над профанным, желания и интересы отдельного индивида должны были подчиниться коллективному сознанию, которое относилось к человеческому телу как к чему-то магическому. Так на физические различия накладывался этический императив... Противопоставление правого левому можно до конца понять и объяснить, лишь погрузившись глубоко в основные доктрины о происхождении знания" [17, с. 29]. Однако говорить о правой руке как о сакральной, а о левой — как о профанной кажется нам не совсем правомерным, так как во многих ритуалах именно левая рука исполняет функции сакральной. К тому же оппозиция "сакральный—профанный" не обязательно коррелирует с оппозицией "хорошо—плохо", а именно последнее как раз и имеет место в случае появления у понятий "правый" и "левый" соответствующих коннотаций. Чем же тогда, если не географическими и религиозными мотивами, вызвано их появление?

Видимо — общим стремлением коллективного сознания к бинарности, полярности, отсутствию "промежуточных" ситуаций, его неизменным страхом перед градуированной оценочной шкалой. Например: "Он говорит слишком тихо. — А что, кричать лучше?" или "Я не люблю, когда холодно. — А что, жара лучше?" и проч. Данные примеры были нами смоделированы, но в принципе они ясно демонстрируют особенности народной речи и, следовательно, народного осознания действительности. Если, как мы пытались показать, праволевосторонняя асимметрия, возникшая в результате культурно-хозяйственной необходимости, усваивается и закрепляется в мозгу широких масс достаточно твердо, то язык неизбежно должен в данном случае выступить в роли закрепителя, причем — тем более жесткого, чем больший пласт его носителей охватывается этой ментальной универсалией.

Утрата мотивированности номинации ведет к ее дестимологизации и последующему вытеснению. Так, от констатации факта использования для того или иного действия предпочтительно правой руки в предикативной модели мы переходим к его оценке, к рекомендации доминантного пользования этой рукой как лучшей, более сильной. Но и это оказывается недостаточным, следующий этап — закрепление в языке обязательности пользования правой рукой, что подводит нас к модели "прямой" → "правый", "правильный" → "правый".

Развитие значения "правый" из "прямой" происходит обычно посредством развития значений "прямой" — "правильный", "законный" и др. Так, например, франц. *droit*, восходящее к народно-латинскому *directus*, не имеет значения "правильный", а означает "право" (юр.).

В древнеанглийском первая фиксация слова *riht* в значении "правый" датируется уже 1000 г. (англосаксонская версия апокрифики Никодима): *Se Hælend be ðære ryht handa me genam* [11, т. VIII, с. 671] — "Спаситель взял меня за правую руку". Однако, у нас нет оснований утверждать, что в данном примере сочетание *ryht handa* означает именно правую руку, скорее — это "правильная" рука, та рука, за которую следует брать, или — праведная рука (по сути, конечно, правая).

Интересная этимологическая связь предложена М.М. Маковским, который считает, что данное значение др.-англ. *ryht* могло быть поддержано др.-англ. *riinc*, др.-сакс. *rink*, др.-исл. *rekkr* "муж, мужчина", что возвращает нас к модели "правый" — "мужской" ([25], ср. [26]).

Распространение модели "правый" — "прямой" уже в исторический период и вытеснение ею рефлексов и.-е. корня постоянно вызывало интерес исследователей и могло объясняться теми или иными языковыми влияниями. В от-

дельных случаях, видимо, можно говорить о влияниях, однако в целом этот процесс столь универсален, что, несомненно, является отражением некоей ментальной константы, появляющейся на определенном этапе почти у всех народов. Так, в работе А.Я. Шайкевича делается вывод, что "факт параллельного развития следует приписать влиянию пережитков общиндоевропейских моральных и религиозных идей ..., так как трудно вообще предполагать возможность распространения на таком обширном пространстве семантического процесса, исходящего из какого-то одного центра" [8, с. 62]. Действительно, указанная модель встречается в и.-е. языках поразительно часто: ср. англ. *right*, франц. *droit*, нем. *recht*, русск. *правый*, итал. диал. *diritto*, а также перс. *raft*, восходящее к др.-перс. *rāsta* "прямой, правильный" и цыган. *caco* "правый", восходящее к "правильный" (ср. скр. *satyá*) и др. Однако подобный семантический переход широко встречается и за пределами и.-е. ареала: так, в языке жителей Новой Померании *lima tuna* "правая рука" буквально означает "правильная рука", а в языке индейцев кайова *'am-hyu'-m-dei* "правый" также соотносится со значениями "правильный, настоящий", коми-пермяцкое *вэс'кыд* "правый" означает одновременно "прямой, честный, истинный", в калмыцком *isik* "прямой, правильный, искренний", сочетание же *isik gar* означает "правая рука". Более того, как нам представляется, тенденция к обозначению правой руки по этой же модели присутствует и в тех случаях, когда она называется "настоящей", "истинной" рукой или просто "рукой". Так, в языках банту, в частности, в качестве обозначения правой руки употребляется просто слово "рука" с маркером определенности или (в языке ниянья) — *dzanja la manja* букв. "рука рук" и *dzanla la kwene* "настоящая рука" (см. [27, с. 427—429]).

Возможно, аналогичный процесс мы наблюдаем и в европейских языках в отдельных словоупотреблениях или в устойчивых выражениях и словосочетаниях типа *ручаться, не-с-подручно*, англ. *handy* "искусный", ирл. *so-lámh* "ловкий" (букв. "хорошая рука") и др. Во всех указанных примерах, безусловно, имеется в виду рука правая как единственно возможная пресуппозиционно в сумме данных значений.

Таким образом, суммируя все, сказанное нами, мы можем прийти к выводу, что в обозначениях правой руки ясно видны три этапа лингво-ментальной эволюции, через которые проходит человечество в своем интеллектуальном и языковом развитии:

- 1) Констатирующий (правая рука — та, которой едят, работают, стреляют и проч.);
- 2) Рекомендующий (правая рука — лучшая, более сильная, красивая и проч.);
- 3) Императивный (правая рука — немотивированно правильная, а левой рукой пользоваться нельзя, быть левой — плохо).

Почти нигде в диахронии мы не наблюдаем реальной смены этих трех видов обозначения правой руки (до некоторой степени — в английском и немецком), для большинства и.-е. языков все ограничивается лишь вытеснением исконного корня. Как можно предположить, на определенных этапах все три типа обозначений сосуществовали в обществе носителей одного языка в разных социальных группах. При взлете социальной активности в одной из них происходили соответствующие языковые сдвиги.

Примерно к этому же выводу приходит и А.Я. Шайкевич, когда пишет о возможном "существовании в языке группы синонимов, часть которых в каждом отдельном языке отпадала" [8, с. 67]. В синхронии это явление зафиксировано, например, в языках банту, в которых могут сосуществовать до трех наименований правой руки: "есть-рука", "мужская рука", "настоящая рука"; как указывает исследователь, "некоторые обозначения правой руки невозможно было интерпретировать при помощи имеющихся языковых средств" [26, с. 427].

В антропоцентрической картине мира, в которой роль дейктического центра

играет сам человек, право-левосторонняя асимметрия оказывается неизбежной (ср. в этой связи высказывание И. Канта, приведенное в работе С.Г. Проскурина: "Так как для суждения о направлениях в высшей степени необходимо различным образом чувствовать правую и левую сторону, то природа связала это чувство с механизмом человеческого тела, посредством которого одна, а именно правая, сторона несомненно превосходит левую в ловкости" [10, с. 44—45]). Но действительно ли — природа? Доминанция правой руки и ее обозначение в языке постоянно этимологически десемантизируются как не имеющие естественной поддержки и постоянно требуют все более императивной номинации, по крайней мере — в языках горячей культуры, не склонных к традиционности.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Corballis M.C., Beale J.L. The psychology of left and right. N.Y., 1976.
2. Семенов С.А. Следы работы на орудиях и доказательство работы неандертальцев правой рукой // Кр. сообщ. Ин-та археологии АН СССР, 1961. Вып. 84.
3. Иванов Вяч.Вс. Об одном типе архаичных знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972.
4. Столяр А.Д. О "гипотезе руки" как традиционном объяснении происхождения палеолитического искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
5. Woo T.L., Pearson K. Dextrality and sinistrality of hand and eye // Biometrika. 1972. V. 19.
6. Платон. Законы // Платон. Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1972.
7. Алексеев В.П. К происхождению бинарных оппозиций в связи с возникновением отдельных мотивов первобытного искусства // Первобытное искусство. Новосибирск, 1976.
8. Шайкевич А.Я. Слова со значением "правый" и "левый" (Опыт сопоставительного анализа) // Уч. зап. 1-го МГПИИЯ. 1960. Т. XXIII.
9. Freud S. The origins of psychoanalysis. Letters to W. Fliess. L., 1954.
10. Проскурин С.Г. О значениях "правый" — "левый" в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // ВЯ. 1990. № 5.
11. The Oxford English dictionary. V. III. Oxford, 1933.
12. Иванов Вяч.Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.
13. Contributions to a Dictionary of the Irish language: degradationbtha. Dublin, 1959.
14. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988.
15. Lehmann W.P. A Gothic etymological dictionary. Leiden, 1986.
16. Elze K. Rechtslinksemfinden und Rechtslinksblindheit // Z. für angewandte Psychologie. 1924. Bd. 24.
17. Hertz R. The pre-eminence of the right hand // Right and left. / Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.
18. Miller J. Priority of the left // Man. 1972. V. 7. № 4.
19. Granet M. Right and left in China // Right and left. Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.
20. Байбурин А.К., Топоров А.Л. У истоков этикета. Л., 1990.
21. Успенский Б.А. "Правое" и "левое" в иконописном изображении // Сб. статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973.
22. Цветочки Святого Франциска Ассизского. М., 1990.
23. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Ч. 2. Тбилиси, 1984.
24. Толстой Н.И. О природе связей бинарных противопоставлений типа "правый—левый", "мужской—женский" // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987.
25. Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений. М., 1989.
26. Маковский М.М. Лингвистическая генетика. М., 1992. С. 46—47.
27. Werner A. Note on the terms used for "right hand" and "left hand" in the Bantu languages // Right and left / Ed. by Needham R. Chicago; London, 1973.